

ХРОНИКА

ПАМЯТИ ВЫДАЮЩЕГОСЯ САРАТОВСКОГО ОБЩЕСТВОВЕДА В. Б. ОСТРОВСКОГО

Жизненные вехи

Владимира Борисовича Островского

В этом году исполняется 90 лет со дня рождения известного советского ученого-обществоведа Владимира Борисовича Островского (03.11.1924 – 27.11.1990).

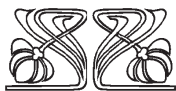
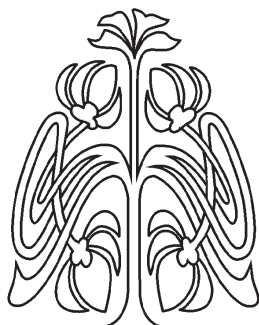
Многие годы его преподавательской, научной и общественной жизни были связаны с Саратовским государственным университетом им. Н. Г. Чернышевского и кафедрой истории КПСС, которой он руководил долгие годы в качестве заведующего, в том числе и будучи уже директором созданного его усилиями Института социально-экономических проблем развития аграрно-промышленного комплекса РАН.

Жизненный путь В. Б. Островского представляет собой яркий образец целеустремленности, трудолюбия и самоотверженности в реализации своего природного таланта.

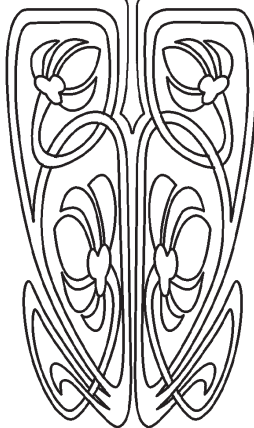
Его родители – рядовые сельские учителя на Тамбовщине – привили сыну любовь к знаниям и увлечение учебой. Начавшаяся Великая Отечественная война помешала ему получить образование – школьную парту он вынужден был сменить на штурвал трактора. После призыва в армию и зачисления в учебно-стрелковый полк в 1944 г. В. Б. Островский был направлен для учебы в Ульяновское танковое училище, где сразу проявились его организаторские способности и умение работать с людьми. Он становится вначале комсоргом батальона, а затем секретарем политотдела училища. Несмотря на такую быструю военную карьеру, его тяга к учебе и к гуманитарным знаниям не ослабевала. Используя любую свободную от службы минуту, В. Б. Островский сумел окончить среднюю школу и поступить на заочное отделение исторического факультета Ульяновского педагогического института. После демобилизации из армии в 1947 г. его дальнейшая судьба оказалась связана с Саратовским государственным университетом и с обществоведческой наукой. Его происхождение и партийная биография предопределили интерес к истории КПСС и аграрной проблематике.

Кандидатская диссертация В. Б. Островского была посвящена роли комсомола в проведении коллективизации. Уже в этом исследовании он не следовал слепо идеологическим канонам в анализе этого масштабного, противоречивого и драматического процесса преобразования страны, но в пределах возможного обращал внимание на те трудности и проблемы, которые имели место в российской деревне в этот период.

Вскоре после успешной защиты диссертации В. Б. Островский становится одним из самых молодых в стране заведующих общеуниверситетской кафедрой истории КПСС. Эта должность в советский период свидетельствовала о наличии у руководителя совокупности самых высоких организационных, деловых и моральных качеств. Свидетельством тому была не только успешная деятельность в данной должности в Саратовском университете на протяжении почти трех десятилетий, но и его признание в качестве ведущего обществоведа Нижнего и Среднего Поволжья. В течение всего данного периода В. Б. Островский постоянно и активно участвовал в республиканских и всесоюзных совещаниях заведующих кафедрами общественных наук высших учебных заведений.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Его научные публикации и доклады на научно-практических конференциях снискали ему заслуженную славу ведущего обществоведа и специалиста по аграрной проблематике в Саратове и Поволжье. В 1966 г. В. Б. Островский одним из первых в стране стал использовать социологические методы для изучения проблем советской деревни. Проведенное под его руководством обследование ряда районов Саратовской области привело к появлению историко-социологической книги «По старым саратовским трактатам», вызвавшей интерес историков и широкой общественности страны приведенными фактическими материалами не только о достижениях, но и о разнообразных социально-экономических проблемах и трудностях колхозной деревни. Данная книга нашла отражение в ряде дискуссионных публикаций по сельской проблематике в центральных газетах страны. В 1967 г. в издательстве Саратовского госуниверситета вышла книга «Островский В. Б. Колхозное крестьянство СССР. Политика партии в деревне и ее социально-экономические результаты», в которой он окончательно заявил о себе как о крупнейшем специалисте социально-политических и социально-экономических проблем развития деревни. В 1977 г. в московском издательстве вышла еще одна знаковая монография В. Б. Островского – «Новый этап в развитии колхозного строя», которая также быстро стала классикой для всех аграрников страны.

Использование комплексного подхода впоследствии получило развернутое и аргументированное обоснование В. Б. Островского в проекте о целесообразности открытия в Саратове акаде-

мического Института социально-экономических проблем аграрно-промышленного комплекса (ИСЭП АПК), в котором могли бы соединиться теоретические и прикладные направления исследования проблем села. Данный проект получил поддержку на уровне ЦК КПСС и Президиума Академии наук СССР и в 1980 г. такой институт в Саратове был открыт. Его деятельность до самой своей смерти возглавлял В. Б. Островский, продолжая оставаться ведущим авторитетом кафедры истории КПСС и соответствующего диссертационного совета Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского.

Успехи и заслуги В. Б. Островского на педагогическом и научном поприще были отмечены орденами Дружбы народов и «Знак почета» и медалью «За доблестный труд».

Он оставил большое количество учеников и последователей, заложив тем самым саратовскую научную школу комплексного изучения российской деревни. В современных условиях она находит свое продолжение и развитие не только в деятельности сотрудников созданного им ИСЭП АПК (сегодня это Институт аграрных проблем РАН), но и в исторических, социологических, политологических направлениях исследований проблем российской деревни многих саратовских ученых и его учеников, работающих в других регионах России.

*А. А. Вилков,
доктор политических наук, профессор,
заведующий кафедрой политических наук
Саратовского государственного университета*

У истоков академической науки Саратова

Время летит с космической скоростью. В круговороте событий трудно остановиться, чтобы вспомнить былое, воскресить в своей памяти наиболее яркие события и лица людей, с кем по воле судьбы выпало счастье встретиться в прошлом. Вот и сейчас, в годовщину девяностолетия прекрасного человека, крупного ученого и организатора, профессора Владимира Борисовича Островского, перед глазами встает его образ.

Судьба свела меня с ним в конце шестидесятых годов минувшего века в связи с моим переходом из мединститута на работу в университет с целью организации в СГУ лаборатории биохимии и биофизики. Случилось так, что, не зная уж за какие заслуги, коллектив биологического факультета спустя два года работы предложил мою кандидатуру на должность декана. По тогдашним требованиям кандидат в будущие деканы проходил собеседование в парткоме. Там я и встретился впервые с Владимиром Борисовичем – секретарем парткома и заведующим кафедрой истории КПСС Саратовского госуниверситета.

Бывает так, что с первого взгляда человек привлекает к себе манерой общения, внешним видом, умением общаться с собеседником и даже голосом. Так сложились и у меня отношения с новым человеком, а на мои слова о моем молодом возрасте и об отсутствии организационного опыта такой работы он сказал просто: «Опыта наберешься, я тоже был самым молодым деканом в свое время».

С тех пор встречи и личные симпатии сохранились у нас на всю жизнь, а умение вести дискуссию и его убежденность в отстаивании своей точки зрения во многом послужили мне уроком. Более тесно судьба свела нас в период, когда по решению Академии наук СССР и с поддержки Саратовского обкома КПСС и молодого энергичного первого секретаря обкома Владимира Кузьмича Гусева в Саратов прибыла комиссия Академии наук для оценки возможности организации в нашем поволжском городе научных баз академии. Тогда обсуждались перспектива и пути реализации принятого еще в 50-е гг. решения Академии наук расширить географию своих научных

баз на регионы Среднего и Нижнего Поволжья, уступивших в свое время Уралу, Сибири и Дальнему Востоку. После тщательной ревизии возможностей организовать институты АН СССР в Саратове вышло Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 28 августа 1979 г. о создании в Саратове Института биохимии и физиологии растений и микроорганизмов АН СССР, а Постановлением от 6 ноября 1979 г. – Института социально-экономических проблем развития агропромышленного комплекса АН СССР.

Функции директора первого научно-исследовательского института были возложены на меня, а второго – на Владимира Борисовича. С этих пор наши пути стали неразрывными в связи с необходимостью выполнять огромный по масштабу и разнообразию самых непредсказуемых дел организационный план. Тут без согласованных действий обойтись было просто нельзя. Создание юридической основы существования институтов, выбор помещения, набор кадров, «выбивание» средств на ремонт, приобретение элементарных средств превратилось в нечто невообразимое. Владимир Борисович был старше и опытнее меня, к тому же по своему опыту он хорошо знал людей из административной и партийной номенклатуры и тактику поведения с нею, будучи университетским профессором. Его авторитет и опыт во многом помогал нам в решении общих задач, за что я очень благодарен ему и его верному помощнику и заместителю Федору Ивановичу Гущину, бывшему первому заместителю председателя областного Совета народных депутатов.

Ко всему прочему, нам, как заведующим кафедрами, никто не отменял педагогической работы, потому что мы рассматривали подготовку кадров из числа студентов университета и других вузов Саратова как обязательный элемент, да и в традиции академии всегда была тесная связь с высшей школой. Надо сказать, что большую помощь в организационной работе мы постоянно получали от отдела науки и образования Саратовского обкома КПСС – от заведующего отделом Юрия Павловича Суслова и его заместителя Александра Федоровича Резчикова.

Как бы то ни было, но крутиться в круговороте событий приходилось нам с Владимиром Борисовичем постоянно. Обычными были чуть ли не еженедельные визиты в Москву. Иногда эти визиты происходили следующим образом: рано утром вылет в столицу самолетом, а вечером – обратно в Саратов.

От городских властей Владимиру Борисовичу с боем досталось здание бывшей редакции

областной газеты «Коммунист» (большое, запущенное, с печатными машинами и типографской краской, пропитавшей все вокруг). А мне – разбитое, размороженное здание школы без окон и дверей, но с большим садом, под перспективу строительства нового лабораторного корпуса. Поскольку мне хронически не везло с заместителями по общим вопросам, которых приходилось регулярно менять, я постоянно обращался за советом и помощью и к Владимиру Борисовичу, и к Федору Ивановичу, неизменно чувствуя дружескую поддержку моих старших коллег.

С образованием филиала Института радиотехники и электроники АН СССР во главе с чудесным, скромным, талантливым Геннадием Тимофеевичем Казаковым возникла необходимость создания координационного совета или Совета директоров институтов АН СССР в Саратове. Владимир Борисович на эту должность порекомендовал меня, оказывая постоянную помощь в решении общих для всех нас проблем. Все мы работали очень дружно и творчески с целью создания на академической базе школы саратовских ученых из числа студентов и аспирантов Саратовского университета и других вузов.

Огорчала нас только меньшая возможность больше встречаться в непринужденной обстановке – в беседе о культурных, социальных и других событиях.

Сейчас, когда изредка приходится к вечеру выйти на набережную Волги, поневоле вспоминаешь все наши прогулки и встречи с Владимиром Борисовичем, Лидией Дмитриевной и их сыном Коленькой (ныне известным хирургом, ученым, профессором Николаем Владимировичем Островским). Кажется, что это было так недавно, а с другой стороны, думаешь, а было ли все это и как это можно было выдержать.

Институты (теперь уже Российской академии наук) стоят, в них работают и растят новую смену наши дети и внуки.

Хочется верить, что все, что мы сделали с Владимиром Борисовичем и нашими коллегами, послужит науке и обществу нашей страны и родному городу.

*В. В. Игнатов,
заслуженный деятель науки РФ,
доктор биологических наук, профессор,
с 1980 по 2007 год возглавлял Институт
биохимии и физиологии растений
и микроорганизмов АН СССР
(впоследствии Российской академии наук)*

Масштаб личности

Говорят, человек жив, пока жива память о нем. В этом смысле личностям ярким, неординарным, которым к тому же довелось общаться с широким кругом людей (будучи, к примеру, университетским профессором), уготована долгая жизнь в памяти более молодых друзей и коллег, в памяти многочисленных учеников. Это в полной мере относится к Владимиру Борисовичу Островскому. Понятно, что у каждого его знавшего свое восприятие этого человека, своя память о нем, «свой Островский».

Судьба свела меня с В. Б. Островским в начале моей студенческой поры, в сентябре 1970 г. Не помню, какой была первая лекция. Но зримо представляю первую лекцию В. Б. Островского в 10-й аудитории прежнего 4-го корпуса. Тогда я его впервые и увидел. Молодым он мне не показался (вот что значит взгляд семнадцатилетнего парня), а ведь ему было всего 45 лет. Профессоров такого возраста, как теперь осознаешь, в то время во всей стране было очень мало, а в Саратове – вообще единицы. И он оказался нашим преподавателем. Островский покорила аудиторию, что называется, с первой попытки, и это впечатление о его непревзойденном владении устным словом останется у меня на всю жизнь. А ведь нашему курсу читали лекции такие крупные ученые и яркие личности, как В. Г. Борухович, Л. А. Дербов, И. В. Сеницын, В. В. Пугачев, Н. А. Троицкий. Но влияние на студентов Владимира Борисовича Островского было особенно велико. Он воспринимался многими как блестящий лектор, ему удавалось невероятное – заставить аудиторию с неподдельным интересом воспринимать идеологически выверенные, порой скучноватые перипетии партийной истории.

Излишне говорить, что лекции Островского старался не пропускать (прогулял одну, и до сих пор помню ее тему – ленинская книга «Что делать?»). Семестр пролетел быстро. Началась сессионная пора. Я со своим приобретенным в школе синдромом отличника штудировал сдаваемые предметы со всей тщательностью. Особенно готовился к первому экзамену, им была история КПСС. Экзамен должен был принимать Владимир Борисович. Поскольку лектор, как правило, семинарские занятия не вел, это была наша первая возможность познакомиться лично. Экзамен удивил меня своей непривычной формой. Собственно, это был даже не экзамен в традиционном его понимании, в виде ответов на вопросы в билете. Это была скорее дискуссия двух историков – маститого и начинающего. Доброжелательность экзаменатора позволила довольно быстро преодолеть понятную робость и скованность, что, в свою очередь, дало возможность студенту полнее продемонстрировать свои возможности. Все прошло прекрасно. Экзамен я не просто выдержал. По итогам сессии про-

фессор Островский дал интервью университетской газете, в котором особо отметил ответы на экзамене студентов Ю. Голуба и П. Редкозубова. Конечно, я был горд не только тем, что успешно сдал сессию, но и тем, что был отмечен самим Островским, о научном авторитете и политическом весе которого я получил уже определенные представления. А главное, Владимир Борисович меня запомнил и, поскольку я выбрал специализацию по истории КПСС, следил за моим становлением в качестве историка. Мне это стало понятным потом, когда в конце пятого курса он пригласил меня в аспирантуру по своей кафедре. В наше время это было пределом мечтаний выпускника. С одной стороны, предложение было осязаемо, поскольку я был лауреатом Всесоюзного конкурса студенческих научных работ, «круглым» отличником и первым по распределению, но с другой – был беспартийным, а практики приема в аспирантуру по истории КПСС беспартийных к тому моменту, в общем-то, не было. Все кандидатуры подлежали согласованию в обкоме КПСС. Как решил эту проблему Владимир Борисович, не знаю, но она была решена.

Пишу об этом так подробно не для того, чтобы, пользуясь моментом, рассказать о себе. Случай со мной – скорее маленькая картинка для иллюстрации больших вопросов, как любил говорить сам Островский, повторяя ленинскую фразу. Своим предложением и последующей поддержкой Владимир Борисович определил мою дальнейшую судьбу и профессиональную карьеру. Вроде бы все просто: заметил способного студента и открыл ему путь в науку, но далеко не у всех профессоров это получалось и получается. Вот пример настоящего Учителя. Тем более эпизод со мной был отнюдь не единичным за десятилетия работы В. Б. Островского в университете. Можно вспомнить и В. В. Всемирова, и В. А. Динеса, и других.

С 1 октября 1975 г. я стал аспирантом кафедры истории КПСС и, присутствуя на ее заседаниях, мог познакомиться со стилем руководства Островским кафедрой, едва ли не самой многочисленной в университете. Я застал уже период, когда Владимир Борисович являл собой не только признанного научного авторитета, известного в профессиональной среде во всем Советском Союзе (за его плечами были выступления на Всесоюзных совещаниях и конференциях самого крупного уровня), но и опытного организатора. Он уже почти два десятилетия руководил кафедрой, несколько лет был секретарем парткома университета, в тогдашней табели о рангах – вторым человеком в вузе. Причем, учитывая масштаб его личности и, как сейчас принято говорить, харизму, партийным лидером он был уважаемым и успешным. Настолько успешным, что ходила молва о том, что его кандида-

тура рассматривалась на должность ректора. Но в последний момент по каким-то причинам «не срослось». Сам уже не один срок отработав заведующим кафедрой, понимаю, какая это была школа для всех нас. И для преподавателей, и для аспирантов. Вообще, из двадцати лет, проведенных мною на кафедре (аспирантом, ассистентом, старшим преподавателем, доцентом, профессором), половина пришлось на «время Островского», но и потом кафедра долго двигалась по направляющим, заложенным им.

Владимир Борисович был невероятно востребован и чрезвычайно загружен делами не только в университете. Председатель специализированного совета по защита диссертаций, член экспертного совета ВАК, многочисленных других советов, комитетов и редколлегий. Все это было важно, но Островский давно-давно перерос масштаб кафедры и, думаю, испытывал от этого душевный дискомфорт. Судя по всему, размолвка с областной властью, стоившая ему ректорства, сказывалась на его дальнейшей карьере. Тем не менее, Островский не впал в апатию, не опустил рук. Отклонил предложения перебраться в Москву. Он с головой ушел в науку, наладил тесные связи с Академией наук. И это дало свой результат. В какой-то момент, кажется в 1979 г., мы на кафедре узнали, что в университет, а точнее, к Островскому, едет представительная группа академиков во главе с тогдашним вице-президентом АН СССР, курирующим общественные науки, П. Н. Федосеевым. Беседы шли и в кабинете Владимира Борисовича, и в кафедральной аудитории на четвертом этаже 9-го корпуса. После отъезда высоких гостей по настроению своего заведующего мы поняли, что визит прошел успешно. Для нас его последствия оказались неоднозначными. Довольно скоро стало известно, что Островский покидает кафедру. Правда, потом выяснилось, что будет какое-то время руководить ею по совместительству, постепенно передавая дела своему ученику и единомышленнику В. В. Всемирову. Но зато В. Б. Островский стал директором Института социально-экономических проблем развития агропромышленного комплекса АН СССР, созданного по его инициативе.

Начался новый виток его научной и административной карьеры, но с родной кафедрой Владимир Борисович продолжал поддерживать тесные связи, помогал, советовал, вообще старался не упускать из вида всех, из кого он ее сформировал. Был по-прежнему доброжелателен, приветлив, словоохотлив. Сейчас мне кажется, что, общаясь с нами, он испытывал приливы своеобразной ностальгии по кафедральной, шире – университетской жизни. В связи с этим в памяти всплывает наш с Владимиром Борисовичем ночной разговор в поезде весной 1982 г. Возвращаясь из Москвы, мы оказались в соседних купе. Вместе пили чай, а большую часть

времени провели за разговорами в тамбуре, где Владимир Борисович мог курить. Беседовали о многом: о кафедре, моей будущей докторской, об его институте. Островский с понятной гордостью поделился со мной новостью о том, что ему удалось в академии решить вопрос со строительством жилого дома для своих сотрудников, рассказал и о месте предполагаемой стройки: дом должен был располагаться по улице Вавилова, аркой нависая над Пугачевской. Особенно сохранилась в памяти та часть разговора, которая касалась внутренних процессов в стране. Напомню, на дворе была весна 82-го, незадолго до этого ушел из жизни главный партийный идеолог М. А. Суслов, другие руководители на верхних этажах власти были не намного моложе. Общество напряглось в преддверии возможных перемен. Владимир Борисович был со мной весьма откровенен. Обладая немалыми объективными данными о ситуации в стране, он критически отзывался о неповоротливости партийно-государственной машины, не скрывал своей обеспокоенности судьбами страны, считал более чем назревшим обновление подходов в идеологической и экономической сферах, в которых разбирался как мало кто еще. Излишне говорить, насколько эмоциональным был наш разговор. Тем более что наши взгляды и оценки полностью совпали. Мы ведь не спорили, мы по-человечески переживали за страну, думали, что делать. В русле традиций русской интеллигенции – разумная критичность действительности и мечты о некоем идеальном устройстве жизни.

Собственно, это и стало с началом перестройки основным мотивом неформального общения наиболее близких по взглядам членов кафедры. Сложился даже своеобразный «дачный клуб». Кажется, в году 87-м кто-то предложил отметить окончание учебного года на природе. В. И. Ткачев предложил собраться у него на даче в Шумейке. Все дружно согласились. И вот В. В. Всемиров, А. И. Аврус, В. М. Долгов, я и кто-то еще отправились на речном трамвайчике в гости к Вениамину Ивановичу. Поездка удалась. Наговорились всласть, и о многом. Время было, что называется, духоподъемное, и, понятно, что у нас, профессионально занимавшихся изучением истории и политики партии, все разговоры в конечном счете свелись к обсуждению набирающих силу процессов обновления страны. Условились на следующий год собраться у Всемирова. Так и сделали.

Впоследствии встречались и у меня, и у Долгова. Когда об этом узнал Владимир Борисович, он не только примкнул к «клубу», но и сразу предложил собраться у него на даче. Излишне говорить о том, что согласие было единодушным. Дача Островского располагалась в университетском дачном массиве, в тихом и очень красивом месте. Меня сразу удивил своей необычностью дачный домик, о чем я и сказал хозяину. Влади-

мир Борисович не без удовольствия заметил, что проект он сделал сам по мотивам увиденного когда-то в Болгарии. Так, неожиданно, раскрылась еще одна грань таланта этого человека. Это было в конце июня 1990 г., а в ноябре Островского не стало. Известие о его кончине ошеломило всех. Неожиданность, нелепость, несправедливость случившегося не могли не поразить нас, его коллег и учеников.

Эти заметки – лишь фрагменты воспоминаний, сразу всплывшие на волнах памяти. Еще можно многое рассказать. И о празднованиях 50- и 60-летия Островского, ставших явлениями общественной жизни, Островском – знатоке и ценителе литературы, о его поездках за рулем автомобиля по памятным местам страны и многом другом. И, конечно, об Островском как об одном из основоположников отечественной экономической социологии. И, надеюсь, что так и будет.

...Года два назад я участвовал в одном из мероприятий в Москве вместе с профессором Н. В. Островским – известным ученым-медиком, сыном Владимира Борисовича, с которым мы дружим не одно десятилетие. В момент его выступления я прикрыл глаза. И вдруг мне показалось, что я слушаю Владимира Борисовича. Настолько не только голос, но и манера говорить, аргументировать, убеждать оказались унаследованы сыном. Уже потом я не удержался и сказал об этом Николаю. И мы еще долго говорили об его отце. Так что память об Островском жива, и в этом смысле он наш современник.

*Ю. Г. Голуб,
доктор исторических наук, профессор,
директор Института дополнительного
профессионального образования
Саратовского государственного университета*

Воспоминания о Мастере

Я не буду рассказывать о том, каким руководителем был Владимир Борисович Островский, когда он возглавлял кафедру, а затем академический институт. Я напишу свои студенческие даже не воспоминания, а впечатления.

Владимир Борисович Островский был из числа тех профессоров Саратовского университета, которых называли корифеями (без кавычек). Этот неформальный титул давали сами студенты, которые видели в преподавателе не только ученого и педагога, но в первую очередь личность. Несмотря на то что Владимир Борисович возглавлял общеуниверситетскую кафедру истории КПСС, для истфака он был человеком культовым, знаковым. Таким как, например, профессор той эпохи (1970–1980 гг.) Л. А. Дербов, В. Г. Борухович, С. М. Стам, Н. А. Троицкий, И. В. Порох.

Мне посчастливилось быть его студентом. Наш курс (истфаковский набор 1979 г.) был последним, на котором Островский читал лекции в первом семестре первого курса 1979–1980 учебного года. Принято называть уже давно умершую вместе с КПСС дисциплину «История КПСС» одиозной, официозной, ненаучной и, в конце концов, скучной. Дело вкуса, спорить не буду. Но в руках такого Мастера, как Островский, этот официальный и суховатый курс играл всеми цветами радуги. У меня, вчерашнего выпускника сельской школы, только что ставшего студентом истфака, его лекции оставили огромное впечатление. Во-первых, Владимир Борисович очень много знал. Казалось, знания его были не-

исчерпаемы. Во-вторых, он был харизматичен, интеллектуально обаятелен и, естественно, без проблем очаровывал аудиторию. Его лекции по истории КПСС напоминали интеллектуальный театр. Дух захватывало от полемического дара, иронии, заразительной улыбки, победного блеска очков Мастера. Например, когда он рассказывал о драматических эпизодах внутрипартийной борьбы, то его голос вздрагивал и замирал, падал в бездну горечи и вновь взлетал под потолок. Я считаю его стиль чтения лекций образцовым. Знания, убедительность и интеллектуальная страсть – самые впечатляющие характеристики не только его лекций и публичных выступлений, но всей его личности как профессионала. Думаю, не только у меня, но и у многих студентов, которым он читал лекции, появлялась мечта «быть как Островский» – умным, неотразимым и всемогущим.

Возможно, это совпадение, но спустя два года после окончания университета я стал аспирантом кафедры истории КПСС, а еще спустя три года защитил кандидатскую диссертацию по этой специальности.

*А. К. Магомедов,
доктор политических наук, профессор,
заведующий кафедрой связей
с общественностью и рекламы
Ульяновского государственного университета,
почетный профессор университета Тоньгжи,
Шанхай (Китай)*

Пример беззаветного служения своей Родине, академической науке и университетскому образованию

Наша совместная работа с профессором В. Б. Островским по организации первых академических институтов в Саратове, их становлению и развитию проходила в 80-е годы прошлого века, в последнее десятилетие его яркой жизни. Практически еженедельно мы контактировали на заседаниях Совета директоров институтов АН СССР в Саратове, Поволжского регионального координационного и научно-методического совета АН СССР и Минвуза РСФСР, на научных семинарах и конференциях, рабочих совещаниях.

Вспоминается, как мы с ним «рисовали» организационную структуру, определяли контуры будущего Института социально-экономических проблем развития аграрно-промышленного комплекса АН СССР. Совместными усилиями мы формировали кадровый корпус института из числа молодых, перспективных экономистов, философов, социологов, ученых-аграрников, работавших в Саратовском госуниверситете им. Н. Г. Чернышевского, политехническом, экономическом, юридическом и сельскохозяйственном институтах.

Владимир Борисович очень много сделал для координации академической науки в Саратове, был постоянным активным членом Совета директоров институтов АН СССР в Саратове, а затем членом президиума Саратовского научного центра РАН. По его инициативе были разработаны комплексные целевые программы «Стабилизация сельских трудовых коллективов», «Мелиорация», «Производство продуктов питания», «Твердая пшеница», получившие одобрение президиума Саратовского научного центра РАН

и руководящих органов Саратовской области. Свыше 20 лет Владимир Борисович возглавлял всю координационную работу научных исследований обществоведов Среднего и Нижнего Поволжья.

Несомненно, это был очень интересный собеседник, с ним можно было говорить на самые разные темы. Владимир Борисович был прекрасным оратором, можно сказать, проповедником академической аграрной науки, истории российского крестьянства.

Владимир Борисович Островский, несмотря на колоссальную занятость в академическом институте и классическом университете, большую общественную деятельность, сумел воспитать замечательного сына – профессора, доктора медицинских наук Николая Владимировича Островского. Сын унаследовал все прекрасные качества отца: интеллигентность, преданность науке, огромное трудолюбие.

Помнят Владимира Борисовича и все сотрудники Института аграрных проблем РАН. Каждый год в институте проходят научные чтения, посвященные памяти профессора, заслуженного деятеля науки В. Б. Островского (Островские чтения).

Жизнь Владимира Борисовича Островского – это яркий пример беззаветного служения своей Родине, академической науке и университетскому образованию.

*А. Ф. Резчиков,
уполномоченный президиума РАН
по Саратовскому научному центру,
член-корреспондент РАН*

Институт Островского

Лично с Владимиром Борисовичем я познакомился в середине апреля 1980 г. Тогда я работал и.о. заведующего кафедрой экономики и управления промышленностью и строительством Саратовской высшей межобластной партийной школы. В это время были решены все формальности по командировке меня в докторантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС, которая намечалась на начало сентября 1980 г. Был уже определен мой научный руководитель – известный советский экономист Р. А. Белоусов.

И вдруг звонок. Слегка хриповатый голос: это профессор Островский: «Мне необходимо с Вами встретиться и переговорить по очень важному вопросу. Если можно, то сегодня, в СГУ на кафедре истории КПСС».

Конечно, я догадывался о теме предстоящего разговора. Еще в 1978 г. на День науки, в театре им. Н. Г. Чернышевского секретарь обкома КПСС В. А. Родионов впервые озвучил решение

о предстоящем создании в Саратове академического центра, объединяющего ряд институтов, в том числе и института гуманитарного профиля по отделению АН СССР по экономике.

Незадолго до этого звонка со мной по поводу перехода во вновь создаваемый институт разговаривали ректор Саратовской высшей партийной школы профессор И. П. Демидов, который категорически был против моего перехода из школы («Ты там будешь портфель Островскому носить»), а также секретарь обкома КПСС В. А. Родионов, курирующий учебные заведения и науку, и Ю. П. Суслов – заведующий отделом науки и вузов обкома партии.

Владимира Борисовича я знал только по его выступлениям на важнейших собраниях активистов области да по рассказам тех, кто его знал лично. Многие говорили о нем как о знающем, толковом, энергичном и активном ученом и общественном деятеле. Говорили также о том, что он

готовил руководителям области тексты их важнейших речей и выступлений...

Встретил меня Владимир Борисович очень приветливо. Попросил своего заведующего кабинетом кафедры приготовить чай. Так, за чашкой чая, мы провели в дружной беседе часа два. Он спрашивал буквально обо всем в моей жизни, я отвечал. Вынув из своей папки довольно большую картотеку на ученых города, предполагаемых к приглашению в создаваемый институт, он поинтересовался моим мнением об этих кандидатурах. Рассказав о своем видении будущего института, он попросил изложить мою концепцию. Учитывая, что я являюсь специалистом в области управления, он пожелал сделать акцент в своих предложениях именно на аспектах межотраслевого управления АПК и особенно на управлении научно-техническим прогрессом и качеством в АПК. Говорил, что с интересом смотрит все телевизионные передачи «Экономического телеклуба», где я долгое время являюсь ведущим. Я, в свою очередь, пригласил его на очередную передачу, на что он любезно согласился. Так начиналась наша десятилетняя трудная и счастливая совместная работа.

Мне посчастливилось очень часто бывать с В. Б. Островским в командировках в г. Москву, особенно в период становления нового института. Приходилось вникать и решать многочисленные вопросы в отделах науки и сельского хозяйства ЦК КПСС, Президиуме АН СССР, отделениях экономики и философии и права, которым институт подчинялся, Госпланах СССР и РСФСР, ГКНТ СССР, ВЦСПС, Госстрое СССР и РСФСР, СОПСе (Совете по изучению производительных сил), институтах экономики, философии и права, социологии АН СССР и др.

Рассматривались и согласовывались многочисленные вопросы жизнедеятельности института: финансирования, кадрового обеспечения, планов НИР, координации, информационного обслуживания, международных связей, открытия аспирантуры и докторантуры, издательской деятельности и др. Часто возвращались поездом из Москвы и при длительных остановках в Тамбовской области Владимир Борисович закуривал в тамбуре вагона, начинал с грустью вспоминать свое крестьянское детство, прошедшее в этих местах.

Вспоминаю, как на одной из таких остановок поезда Владимир Борисович, взглядываясь в окрестный тамбовский ландшафт, вдруг неожиданно для меня завел разговор о своей фамилии: «Вы знаете Сергей Николаевич, меня многие из-за фамилии считают евреем. И евреи тоже стараются сблизиться со мной... А ведь я исключительно русский. Мои дальние предки происходили из служителей русской православной церкви. Есть даже предание, что мой род связан с родом великого русского драматурга А. Н. Островского, дед которого был дьяконом

при церкви Покрова в Замоскворечье. Мой двоюродный брат, который работает сейчас дипломатом на Кубе, уже исследовал историю нашей семьи. Я тоже займусь этим вопросом, когда выйду на пенсию. Хочу в этой связи посетить Кинешму, в районе которой, в Щельково, было поместье отца А. Н. Островского и где великий драматург похоронен...»

Я одобрял Владимира Борисовича в его попытках поиска своих родовых корней. Как-то я ему сказал, что он очень похож на А. Н. Островского и пошутил: «У Вас с ним общая судьба. Об Александре Николаевиче писатель И. А. Гончаров говорил: "...После Вас мы, русские, можем с гордостью сказать: у нас есть свой русский, национальный театр, он по справедливости должен называться «Театр Островского»". А мы тоже с гордостью говорим: у нас есть свой, единственный в СССР институт, он по справедливости должен называться "Институт Островского"».

Выслушав меня, Владимир Борисович рассмеялся и сказал: «Ну, Вы уж очень сильно загнули. Во-первых, мой предполагаемый великий родственник происходил из дворян, а я начинал свою трудовую деятельность трактористом колхоза. Во-вторых, знаменитый драматург сам создавал свои произведения, а у нашего института очень много "отцов-создателей", в том числе и Вы к ним относитесь...» На эти слова я заметил: «У Вас не только внешнее сходство с А. Н. Островским. Многие в его жизни, характере удивительно совпадают с Вашей деятельностью. Так, тематика произведений Островского отражает характерные черты развития общества той эпохи. Вы делаете то же самое, но применительно к нашей эпохе. А. Н. Островский много ездил по стране и за рубеж, участвовал в научной экспедиции по Волге, изучая быт и условия труда жителей, особенности народной культуры Поволжья... Вы же написали уникальную книгу: "По старым саратовским трактам", руководили первыми в стране экспедициями по изучению жизни крестьянства...»

Вопрос о фамилии Владимира Борисовича возник еще при одном малоизвестном событии. Как-то во время празднования 1000-летия крещения Руси ему позвонил управляющий Саратовской епархией архиепископ Пимен, известный своими дальними родственными узами с А. С. Пушкиным. Владыка очень просил Владимира Борисовича выступить с лекцией об аграрной политике КПСС перед руководящими священнослужителями епархии и гостями из других епархий страны. Владимир Борисович вызвал меня и попросил совета, как поступать в этой ситуации: «Ведь я член обкома КПСС, историк партии...» Я посоветовал выступать и проводил Владимира Борисовича до резиденции Пимена на улице Первомайской. На следующий день Владимир Борисович был в приподнятом настроении и подробно рассказал о том, что лекция прошла очень успешно, было

много вопросов и выступлений. Его попросили сфотографироваться с руководителями приходов епархии, а архиепископ наградила его орденом и медалью в честь 1000-летия крещения Руси. Затем архиепископ Пимен пригласил Владимира Борисовича на праздничный обед, угощая своими «фирменными» грибами.

В разговоре с Пименом Островский поделился с ним своей принадлежностью к предкам – служителям церкви. Архиепископ, улыбаясь, ответил: «А это заметно по Вашим убедительным словам, произнесенным во время лекции, и ответам на вопросы...»

В одном из разговоров со мной Владимир Борисович интересно рассказывал о связях его семьи в тамбовский период жизни с видным советским государственным деятелем и дипломатом Г. В. Чичериным, который был родом из села Караул Тамбовской губернии...

С первого знакомства с этим умным, знающим, интеллигентным и всесторонне талантливым человеком я проникся к нему большим уважением и признательностью. Я многому научился у него и с благодарностью использовал его опыт в своей работе. Я считал и считаю, что выбор его на руководство новым академическим институтом был единственно верным.

У В. Б. Островского был богатый послужной список. Он являлся заместителем председателя Поволжского научно-методического совета МВ и ССО РСФСР и председателем секции общественных наук (с 1961 г.), членом Всесоюзного совета ИМЛ при ЦК КПСС по координации научно-исследовательской работы в области истории КПСС и партийного строительства, членом головных советов МВ и ССО СССР и РСФСР по истории КПСС, членом экспертного совета ВАК при Совете министров СССР по истории КПСС и партийному строительству, членом научного совета ВАСХНИЛ по социальному развитию села.

С 1981 г. он избирается членом научного совета АН СССР по социально-экономическим и правовым проблемам АПК СССР.

Неоднократно избирался в руководящие

партийные и советские органы. С 1981 г. – кандидат в члены Саратовского обкома КПСС.

С 1982 г. – депутат Саратовского городского совета народных депутатов. С 1980 г. – член партбюро Института. В 1984 г. избран членом Саратовского обкома КПСС.

Награжден орденом «Знак почета» (1967 г.), пятью медалями, рядом почетных знаков и многими грамотами. В 1984 г. Президиум Верховного Совета СССР наградила В. Б. Островского «За многолетнюю плодотворную деятельность, вклад в развитие социально-экономических наук» и в связи с шестидесятилетием со дня рождения орденом Дружбы народов. Он был награжден иностранными медалями, Большой серебряной медалью ВДНХ СССР, наградами РПЦ.

Постановлением Президиума АН СССР от 21 февраля 1980 г. № 257 «Об организации института социально-экономических проблем развития АПК» (ИСЭП АПК АН СССР) исполняющим обязанности директора назначен заслуженный деятель науки РСФСР, доктор исторических наук, профессор Островский Владимир Борисович.

Директором ИСЭП АПК АН СССР Островский был назначен Постановлением Президиума АН СССР от 18 сентября 1980 г. № 776 после избрания на эту должность общим собранием Отделения экономики АН СССР и общим собранием Академии наук СССР.

Я много писал о В. Б. Островском, выступал на конференциях, посвященных его памяти. Но полагаю, что его творчество и его жизненный путь остаются малоисследованными. Считаю, что и память об этом великом человеке земли саратовской должна быть более весомой. Я и многие мои товарищи поддерживают мое предложение о присвоении созданному им институту имени В. Б. Островского...

*С. Н. Семенов,
профессор, доктор экономических наук,
заслуженный экономист РФ, главный научный
сотрудник Института аграрных проблем РАН*

Эпизоды из встреч с В. Б. Островским

Из моего многолетнего общения с В. Б. Островским наиболее памятливы два кратких эпизода, которые ярко характеризуют его как личность.

Из студенческой жизни.

Как-то случилось после его очередной и как всегда интересной лекции идти по пути с ним в другой корпус университета. Завязался разговор. Он всегда охотно беседовал со студентами, особенно с так называемыми взрослыми. Например, однокурсник мой Борис Карпачев до поступления в университет успел окончить строительный техникум и поработать прорабом на стройках в

городе Темиртау. Паша Моспан несколько лет добывал уголь в Донбассе. Ну, а я после школы отслужил три года в армии, где закончил вечернюю партийную школу (были такие в конце 50-х – начале 60-х годов в некоторых воинских частях), после армии отработал год инструктором ГК, РК ВЛКСМ и т. д.

Идет общий разговор. И вдруг Владимир Борисович спрашивает: «Ну, как лекция?» Я сказал, что лекция интересная, содержательная. Но при этом посмел высказать сомнение по поводу одного положения Карла Маркса из цитаты, приведенной лектором. Мне показалось, что сейчас

последует настоящий погром типа: да кто ты такой, чтобы подвергать сомнению учение Маркса, да как ты можешь, студентик-первокурсник. Подчеркну, что это был 1962 год, а не 90-е или 2000-е годы.

Каково же было мое удивление, когда ничего подобного не произошло. Владимир Борисович без каких-либо эмоций, весьма спокойно, рассудительно стал доказывать научность названного положения Маркса. И хотя я остался при своем мнении, я был поражен его педагогическим тактом. Это было хорошим уроком в моей последующей преподавательской деятельности.

Из учебной практики.

После защиты кандидатской диссертации мне было доверено читать курс лекций на философском факультете. Вполне объяснимо мое волнение как молодого лектора. Прочитал первую лекцию. Вроде бы, все нормально. Через неделю прихожу читать вторую. Захожу после звонка (тогда они давались) в аудиторию. Осматриваю ее и, о Боже, на последней скамье сидит заведующий кафедрой. Подчеркну, что о своём посещении лекции он меня не предупредил. Не видел я его и непосредственно перед лекцией.

Что делать? Ну, была не была. Читаю так, как и задумывал. Кончилась лекция, студенты вышли. Подходит ко мне, поздоровались за руку. Не страдая робостью, я начал первым:

– Владимир Борисович, а не слишком ли рано?

– В каком смысле?

– Ведь всего вторая лекция в моей жизни, да и со студентами по-настоящему не познакомился.

– Знаешь, Валерий (он тогда, да и потом, называл меня только по имени), лучше сразу обратить внимание молодого преподавателя на те или иные недостатки при чтении лекций, чем исправлять их, когда они войдут в его привычку.

Одобрив в целом теоретический уровень лекции, методику чтения, весьма тактично высказал и некоторые замечания. Кстати, больше у меня на лекциях он никогда не был. По прошествии многих лет считаю, что он был прав: гнуть нужно тогда, когда гнется, а не ломается.

*Дорофеев В. И.,
доктор исторических наук, профессор*